

Владимир МАЯКОВСКИЙ

А вы могли бы?

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

1913

Надоело

Не высидел дома.
Анненский, Тютчев, Фет.*
Опять,
тоскою к людям ведомый,
иду
в кинематографы, в трактиры, в кафе.

За столиком.
Сияние.
Надежда сияет сердцу глупому.
А если за неделю
так изменился россиянин,
что щеки сожгу огнями губ ему.

Осторожно поднимаю глаза,
роюсь в пиджачной куче.
"Назад,
наз-зад,
н а з а д!"
Страх орет из сердца,
Мечется по лицу, безнадежен и скучен.

Не слушаюсь.
Вижу,
вправо немножко,
неведомое ни на суше, ни в пучинах вод,
старательно работает над телячьей ножкой
загадочнейшее существо.

Глядишь и не знаешь: ест или не ест он.
Глядишь и не знаешь: дышит или не дышит он.
Два аршина безлищевого розоватого теста:
хоть бы метка была в уголочке вышита.

Только колышутся спадающие на плечи
мягкие складки лоснящихся щек.
Сердце в исступлении,
рвет и мечет.
"Назад же!
Чего еще?"

Влево смотрю.
Рот разинул.
Обернулся к первому, и стало иначе:
для увидевшего вторую образину
первый –
воскресший Леонардо да-Винчи.

Нет людей.
Понимаете
крик тысячедневных мук?
Душа не хочет немая идти,
а сказать кому?

Брошусь на землю,
камня корою
в кровь лицо изотру, слезами асфальт омывая.
Истомившимися по ласке губами
тысячью поцелуев покрою
умную морду трамвая.

В дом уйду.
Прилипну к обоям.
Где роза есть нежнее и чайнее?
Хочешь -
тебе
рябое
прочту "Простое как мычание"?
Для истории

Когда все расселятся в раю и в аду,
земля итогами подведена будет –
помните:
в 1916 году
из Петрограда исчезли красивые люди.

1916

Прощанье

В авто,
последний франк разменяв.
— В котором часу на Марсель?—
Париж

бежит,
проводя меня,
во всей

невозможной красе.
Подступай

к глазам,

разлуки жижя,
сердце
мне

сантиментальностью расквась!
Я хотел бы

жить

и умереть в Париже,
если б не было
такой земли —

Москва.
1925

Себе, любимому

Четыре.
Тяжелые, как удар.
"Кесарево кесарю – богу богово".
А такому,
как я,
ткнуться куда?
Где мне уготовано логово?

Если бы я был
маленький,
как океан, –
на цыпочки волн встал,
приливом ласкался к луне бы.
Где любимую найти мне,
Такую, как и я?
Такая не уместилась бы в крохотное небо!

О, если б я нищ был!
Как миллиардер!
Что деньги душе?
Ненасытный вор в ней.
Моих желаний разнузданной орде
не хватит золота всех Калифорний.

Если б быть мне косноязычным,
как Дант
или Петрарка!
Душу к одной зажечь!
Стихами велеть истлеть ей!
И слова
и любовь моя –
триумфальная арка:
пышно,
бесследно пройдут сквозь нее
любовницы всех столетий.

О, если б был я
тихий,
как гром, —
ныл бы,
дрождью объял бы земли одряхлевший скит.
Я если всей его мощью
выреву голос огромный,-
кометы заломят горящие руки,
бросаясь вниз с тоски.

Я бы глаз лучами грыз ночи —
о, если б был я
тусклый, как солнце!
Очень мне надо
сияньем моим поить
земли отощавшее лонце!

Пройду,
любовищу мою волоча.
В какой ночи
бредовой,
недужной
какими Голиафами я зачат —
такой большой
и такой ненужный?

1916

Сергею Есенину

Пустота...
Летите,

в звезды врезываясь.
Ни тебе аванса,
ни пивной.
Трезвость.
Нет, Есенин,

это
не насмешка.
В горле

горе комом —

не смешок.

Вижу —

врезанной рукой помешкав,
собственных

костей

качаете мешок.

— Прекратите!

Бросьте!

Вы в своем уме ли?

Дать,
чтоб щеки
заливал

смертельный мел?!

Вы ж

такое

загибать умели,

что другой

на свете

не умел.

Почему?

Зачем?

Недоуменье смяло.

Критики бормочут:

— Этому вина

то...

да се...

а главное,

что смычки мало,

в результате

много пива и вина.—

Дескать,

заменить бы вам

богему

классом,

класс влиял на вас,

и было б не до драк.
Ну, а класс-то
жажду
заливает квасом?
Класс — он тоже

выпить не дурак.
Дескать,

к вам приставить бы

кого из напостов —
стали б

содержанием

премного одаренней.
Вы бы

в день
писали
строк по сто,
утомительно

и длинно,

как Доронин.
А по-моему,
осуществись
такая бредь,
на себя бы
раньше наложили руки.
Лучше уж

от водки умереть,
чем от скуки!
Не откроют
нам
причин потери
ни петля,
ни ножик перочинный.
Может,
окажись

чернила в «Англетере»,
вены

резать
не было б причины.

Подражатели обрадовались:

бис!
Над собою
чуть не взвод
расправу учинил.
Почему же
увеличивать

число самоубийств?
Лучше
увеличь
изготовление чернил!
Навсегда
теперь

язык

в зубах затворится.
Тяжело

и неуместно

разводить мистерии.
У народа,

у языкотворца,
умер

звонкий
забулдыга подмастерье.
И несут

стихов заупокойный лом,
с прошлых
с похорон
не переделавши почти.
В холм
тупые рифмы
загонять колом —
разве так

поэта

надо бы почтить?
Вам

и памятник еще не слит,—
где он,
бронзы звон
или гранита грань?—
а к решеткам памяти

уже

понанесли
посвящений

и воспоминаний дрянь.
Ваше имя

в платочки рассоплено,
ваше слово
слюнявит Собинов
и выводит

под березкой дохлой —
«Ни слова,

о дру-уг мой,
ни вздо-о-о-о-ха».
Эх,

поговорить бы иначе
с этим самым
с Леонидом Лознгринычем!
Встать бы здесь
гремящим скандалистом:
— Не позволю
мямлить стих

и мять!—
Оглушить бы
их

трехпалым свистом
в бабушку

и в бога душу мать!
Чтобы разнеслась

бездарнейшая погань,
раздувая

тьмь

пиджачных парусов,
чтобы
врассыпную
разбежался Коган,
встреченных

увеча

пиками усов.
Дрянь
пока что
мало поредела.
Дела много —
только поспевать.
Надо

жизнь
сначала переделать,
переделав —
можно воспевать.
Это время —

трудновато для пера,
но скажите,

вы,
калеки и калекши,
где,

когда,
какой великий выбирал
путь,

чтобы протоптанней

и легче?
Слово —

полководец
человечьей силы.
Марш!

Чтоб время
сзади
ядрами рвалось.
К старым дням

чтоб ветром

относило
только
путаницу волос.

Для веселия
планета наша
мало оборудована.
Надо

вырвать
радость

у грядущих дней.
В этой жизни

помереть

не трудно.
Сделать жизнь

значительно трудней.

1926

<http://strofa.su/>